

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.3>

UDC 81'27:911.37

LBC 81.006.2

Submitted: 14.08.2024

Accepted: 13.01.2025

MEDIA IMAGE OF NON-CENTRAL TERRITORY IN RUSSIAN MEDIA

Nikolay L. Shamne

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Marina V. Milovanova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article features the peculiarities of non-central territory media image objectification in the Russian language, viewed within the framework of the general opposition “centre – non-centre”. The authors have distinguished synonymous series of units, which nominate the territory within the right part of the opposition. As a result, the media image of a non-central territory is defined as a hyperonym that includes the hyponymous media images *glush'*, *gluhoman'*, *zaholust'e*, *periferiya*, *provinciya*, *glubinka*. A number of discursive features are identified. They form a media image of a non-central territory in media texts. Certain patterns in the named features representation within the framework of hyponymous media images are revealed, which in general enables determination of a hyperonymous media image structure. The variety of key linguistic means that constitute the media image of a non-central territory is determined. A conclusion is drawn about the specifics of non-central territory image formation in the media space of Russian mass media. It is based on the opposition “center – non-centre”: designation of Russian/foreign space; actualization of the peculiarities of the subject's presence in a given territory and events; indication of an indefinite distance from the conventional center; processes of multidirectional movement (to and from the center); nomination of the subject according to the type of activity, occupation, social parameters and corresponding objects and attributes; characteristics of the territory; indication of processes of social exclusion; opposition to the center.

Key words: media image, non-central territory, opposition, synonymous series, discursive features.

Citation. Shamne N.L., Milovanova M.V. Media Image of Non-Central Territory in Russian Media. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 2, pp. 29-43. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.3>

УДК 81'27:911.37

ББК 81.006.2

Дата поступления статьи: 14.08.2024

Дата принятия статьи: 13.01.2025

МЕДИАОБРАЗ НЕЦЕНТРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ В РОССИЙСКИХ СМИ

Николай Леонидович Шамне

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Марина Васильевна Милованова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей объективации в русском языке медиаобраза нецентральной территории в рамках общей оппозиции «центр – не центр». Приведен синонимический ряд единиц, номинирующих территорию в рамках правой части оппозиции; в результате медиаобраз нецентральной территории понимается как гипероним, включающий медиаобразы-гипонимы *глушь*, *глухомань*, *захолустье*, *периферия*, *провинция*, *глубинка*. Выделен ряд дискурсивных признаков, формирующих в текстах СМИ медиаобраз нецентральной территории. Выявлены закономерности репрезентации дискурсивных признаков в рамках медиаобразов-гипонимов, что в целом позволяет определить структуру медиаобраза-гиперонима. Установлен круг ведущих языковых средств медиаобраза нецентральной территории. Сделан

вывод о специфике формирования в медиапространстве российских СМИ образа нецентральной территории, в основе которого лежит оппозиция «центр – не центр»: обозначение российского / зарубежного пространства; актуализация особенностей пребывания субъекта на данной территории и событийности; указание на неопределенно удаленное расстояние от условного центра; процессы разнонаправленного перемещения (в центр и из него); номинирование субъекта по роду деятельности, занятиям, социальным параметрам и соответствующих объектов, атрибутов; квалификация территории; указание на процессы социальной эксклюзии; оппозитивность центру.

Ключевые слова: медиаобраз, нецентральная территория, оппозиция, синонимический ряд, дискурсивные признаки.

Цитирование. Шамне Н. Л., Милованова М. В. Медиаобраз нецентральной территории в российских СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 29–43. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.3>

Введение

Проблема объективации в средствах массовой информации тех или иных образов применительно к человеку и к тому, что его окружает, продолжает оставаться актуальной в различных областях гуманитарного знания, поскольку напрямую связана с развитием общества и с существованием человека в обществе.

Как подчеркивает Ю.Р. Горелова, образ отражает сущностные черты чего-либо, «процесс формирования образа всегда связан с концентрацией, сгущением определенных представлений» [Горелова, 2019, с. 19]. В научной литературе существуют различные подходы к трактовке понятия «образы в СМИ». В ряде работ они трактуются как медиаобразы – «феномены, порожденные СМИ» [Ланцевская, 2015, с. 102]. Отдельные ученые предлагают рассматривать медиаобразы в широком и узком смысле, включая в узкое понимание только тексты профессиональных журналистов, в широкое – все, что создается в медиапространстве [Галинская, 2013]. Другие авторы характеризуют медиаобраз через соотношение с понятием имиджа, полагая, что образы в СМИ формируются стихийно, а имидж конструируется сознательно [Сидорская, 2021], либо через выделение двух вариаций внутренней формы термина «медиаобраз» – «образ в медиа» (особенности формирования) и «образ через медиа» (особенности восприятия) [Драчева, 2019, с. 136].

Наиболее изученными в лингвистике являются медиаобразы политических лидеров, часто медиаобразы описываются на материале политического дискурса [Корженева,

2013]. Помимо конкретных политических деятелей, ученые обращаются к рассмотрению более сложных медиаобразов, например пространственного характера – образа государства, страны, столицы и др. Отметим, что из медиаобразов применительно к территории, наиболее охарактеризованы образ страны (в отечественной лингвистике это медиаобраз России) [Endreva, 2022; Громова, 2016; Орлова, 2012; и др.] и образ города (как правило, крупного) [Васильева, Мымрина, 2016]. Имеются отдельные исследования, посвященные изучению образов регионов, но они связаны прежде всего с социокультурными аспектами, например с проблемой формирования «медиаэстетического кода региона» [Симакова, Кваша, 2023], в меньшей степени описаны особенности их языковой репрезентации. В указанных и других работах медиаобразы страны рассматриваются на материале отечественных и зарубежных СМИ.

Медиаобраз малых городов и всего того, что находится за пределами центра или крупных городов, не получил должного отражения в науке. В частности, не рассматривались вопросы, связанные с объективацией в языке медиаобраза нецентральной территории.

Рассматривая такое сложное образование, как медиаобраз нецентральной территории, и особенности его восприятия носителями языка, можно привести высказывание известного социолога, градостроителя Кевина Линча применительно к образу города: «все воспринимается не само по себе, а в отношении к окружению, к связанным с ним цепочкам событий, к памяти о прежнем опыте» [Линч, 1982, с. 15]. Однако, несмотря на субъективные представления человека о ка-

ком-либо пространстве, существуют общие для большинства членов социума представления о пространственных объектах, сформированные во многом под воздействием СМИ.

Понятие нецентральной территории выделяется прежде всего по отношению к понятию центральной территории. В научной литературе гуманитарной сферы обычно приводится оппозиция «центр – периферия», поскольку периферия в самом общем виде (безотносительно территории) – это внешняя, противопоставленная центру часть чего-либо. Мы считаем, что применительно к территории данную оппозицию целесообразно обозначать как «центр – не центр», поскольку территория, противопоставленная центру, может иметь ряд других номинаций.

В данной статье рассмотрим объективацию в текстах СМИ медиаобраза нецентральной территории. Ранее мы уже проводили анализ отдельных лексем, номинирующих нецентральную территорию, в аспекте актуализации в текстах СМИ категорий социальной эксклюзии, инклюзии [Шамне, Милованова, 2023]. Однако нам представляется целесообразным остановиться на языковых особенностях объективации в текстах СМИ медиаобраза нецентральной территории в целом, что позволит установить структуру данного образа, выделить сходства и различия в семантике репрезентирующих его лексем и тем самым глубже охарактеризовать сложившиеся в обществе представления о данном феномене.

Материал и методы

Оппозиция «центр – не центр» применительно к территории описана в научной литературе фрагментарно. В исследованиях левая часть оппозиции – центр – представлена такими городами, как Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск и др. (см., например: [Горелова, Межевикин, 2016]). Правая часть оппозиции – не центр – изучена в меньшей степени, выделяется ряд работ, описывающих провинцию в культурологическом аспекте, в работах ученых-лингвистов провинция характеризуется в лексикографическом и аксиологическом аспектах [Паршина, Иванян, 2020].

В фокусе нашего внимания – оппозитивный компонент «не центр», который представ-

лен ключевыми единицами *глушь*, *глухомань*, *захолустье*, *периферия*, *провинция*, *глубинка*.

Материалом исследования послужил Национальный корпус русского языка (НКРЯ) – газетный подкорпус; выборка проводилась без учета разделения на центральные и региональные СМИ. На указанном фактическом материале устанавливаются контексты употребления названных единиц, коллокации. С целью определения круга лексем, обозначающих территорию не центра, привлекались данные словарей синонимов русского языка.

Анализ примеров с ключевыми лексемами из газетного подкорпуса НКРЯ позволил выделить ряд дискурсивных признаков, составляющих медиаобраз нецентральной территории, и языковые модели, их репрезентирующие.

В исследовании были использованы общенаучные методы описания, анализа, синтеза, обобщения и собственно лингвистические методы – структурно-семантического, контекстуального анализа, элементы компонентного анализа.

Результаты и обсуждение

Для обозначения нецентральной территории в рамках оппозиции «центр – не центр» в русском языке, согласно словарям синонимов, можно выделить несколько синонимических рядов. Так, в «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой выделяются синонимические ряды с доминантами *захолустье* и *периферия*:

Захолустье, провинция, трущоба, глушь, глухомань.

Периферия, провинция, глубинка (разг.) (Александрова, с. 191, 372).

Обратим внимание, что лексема *провинция* входит в оба синонимических ряда.

В «Словаре синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой также содержится два синонимических ряда, однако в качестве доминант выступают *глушь* и *периферия*:

Глушь, глухомань, захолустье, дыра (разг.), *трущоба* (разг.), *медвежий* (или *волчий*) *угол* (или *край*) (разг.) (Евгеньева, т. 1, с. 236).

Периферия, провинция, глубинка (Евгеньева, т. 2, с. 141).

Некоторые ученые объединяют единицы, обозначающие нецентральную территорию, в три синонимического ряда. Так, в «Словаре синонимов и антонимов современного русского языка» под редакцией А.С. Гавриловой выделены следующие ряды:

Захолустье, провинция, трущоба, глухомань; дыра, болото, тьмутаракань; глушь, глухое место, глухая провинция; медвежий угол; уединение (через точку с запятой даются синонимы во вторичном значении).

Глубинка, периферия.

Периферия, провинция, глубинка (Гаврилова, с. 75, 119, 236).

Лексема *провинция* входит в два ряда, однако автор не считает ее синонимом лексемы *глубинка*.

Исходя из того, что определяющим признаком внутри оппозиции «центр – не центр» (территориальный аспект) является признак пространственной приближенности / удаленности [Шамне, Милованова, 2023], целесообразным представляется выделение следующих синонимических рядов:

Глушь, глухомань, захолустье.

Периферия, провинция, глубинка.

В первом ряду с точки зрения удаленности от центра единицей с самым общим значением является лексема *глушь*; единица *глухомань* выступает в усилительном значении по сравнению с лексемой *глушь*. Единица *захолустье* может объективировать относительную удаленность в рамках какого-либо пространственного объекта (например, район города), а также указывать на определенную степень запущенности.

Во втором ряду наиболее общее значение оппозиции центру имеет лексема *периферия*. Единица *провинция*, выражая удаленность от центра, может иметь дополнительные смысловые оттенки, указывающие на особенности обозначаемого пространства (территории). Единица *глубинка* появилась в языке в советскую эпоху, она репрезентирует большую степень удаленности по сравнению

с другими единицами синонимического ряда. Одним из первых лексикографических источников, где зафиксирована лексема *глубинка*, является «Словарь новых слов русского языка» под редакцией Н.З. Котеловой: «глубинка – 1. Удаленный от центра район, поселение (в разг. речи)» (Котелова, с. 179). Как отмечал Ю.А. Бельчиков, «характерным для советской эпохи стало образование новых слов в результате соединения или объединения литературно-книжных и разговорных (в частности, народно-разговорных) элементов. Правда, от этого процесса больше выигрывает народно-разговорная речь, чем литературная, но и литературная речь пополняется такого рода новообразованиями. См., например: *беспризорник, боевитость, глубинка, теребилыцки, юнгиштурмовка, стилига*» [Бельчиков, 1965, с. 4].

Поскольку в центре нашего исследования медиаобраз нецентральной территории, с целью его описания мы объединили лексемы в рамках правой части оппозиции в один синонимический ряд: *глушь, глухомань, захолустье, периферия, провинция, глубинка*. В приведенный ряд мы не включили другие единицы, представленные в указанных синонимических словарях, поскольку они не только обозначают нецентральную территорию, но и выражают аксиологические признаки, а также являются устойчивыми сочетаниями или выступают в переносном значении.

Результаты анализа фактического материала исследования позволили выделить дискурсивные признаки, формирующие определенный медиаобраз-гипероним нецентральной территории, включающий медиаобразы-гипонимы «глушь», «глухомань», «захолустье», «периферия», «провинция», «глубинка». Данные признаки могут быть конститутивными (объективируют существенные признаки обозначаемой территории) и дистинктивными (указывают на специфические, характерные признаки).

Конститутивный признак «собственно территориальные характеристики» содержательно включает в себя административные, географические параметры применительно к российскому либо зарубежному пространству. Это может быть общее обозначение пространства либо указание на конкретную локацию. Лексемы исследуемого синонимического

ряда по-разному объективируют территориальные характеристики. Востребованной моделью выступает модель «Adj_t + N_{nc}» (оттопонимическое прилагательное в сочетании с существительным, номинирующим нецентральную территорию). Эта модель широко представлена с единицами *глушь*, *глухомань*, *захолустье*, *глубинка*, причем отмечено следующее соотношение в рамках объективации российского и зарубежного пространства (за 100 % принято количество примеров, реализующих данную модель): *глушь* – примерно 40 и 60 % соответственно; *глухомань* – 50 и 50 %; *захолустье* – 20 и 80 %; *глубинка* – 75 и 25 %: *сибирская*, *якутская*, *дальневосточная*, *пермская*, *иркутская*, *австралийская*, *тосканская*, *аквитанская*, *шведская*, *индийская*, *канадская*, *техасская*, *датская*, *финская* (*глушь*); *уральская*, *сибирская*, *уссурийская*, *восточногерманская*, *критская*, *американская* (*глухомань*); *сибирское*, *британское*, *американское*, *калифорнийское*, *мексиканское*, *андалузское* (*захолустье*); *приморская*, *сибирская*, *ямальская*, *китайская*, *американская*, *иранская* (*глубинка*).

Как свидетельствуют примеры, российское пространство представляет собой территории, находящиеся за Уралом, то есть достаточно удаленные от центра. В единичных случаях отмечены территории Центральной России, юга России, севера и северо-запада: *карельская*, *башкирская*, *саратовская* (*глушь*); *костромская* (*глухомань*); *пензенское* (*захолустье*); *кубанская*, *брянская* (*глубинка*).

Приведенная модель не характерна для единицы *периферия*.

Лексема *провинция* при объективации зарубежной территории выражает значение административно-территориальной единицы в ряде зарубежных государств (*итальянские*, *испанские провинции* и т. д.), поэтому в рамках зарубежного пространства нами не рассматривалась. Применительно к российской территории данная единица употребляется с адъективами *русская* и *российская*, выражая обобщенное значение нецентральной территории в рамках оппозиции «центр – не центр»: *Заезжаем в Саратов – замечательный город-представитель русской провинции* (НКРЯ: Парламентская газета, 2018.11);

В июле впервые состоится Плёсский спортивный фестиваль с марафоном бегунов, веломарафоном и гребной регатой, организованный музейным комплексом «Потаённая Россия», стремящийся открыть красоту русской провинции, которая не ограничивается сугубо спортивными мероприятиями (НКРЯ: Парламентская газета, 2017.05); *«Используя бренд Урюпинска как символа российской провинции, мы бы могли разместить здесь площадку для обсуждения проблем малых городов России», – предложил Городняков* (НКРЯ: Vesti.ru, 2011.08).

В приведенных и аналогичных им примерах речь идет преимущественно о территориях Поволжья, причем, как правило, отмечена конкретизация территории: приводится астионим.

В похожем, обобщенном значении в фактическом материале представлено частотное сочетание *русская глубинка*: *Илзе Лиепа назвала способ разглядеть дарование в российской глубинке* (НКРЯ: Известия, 2018.09); *При этом известно, что именно российская глубинка богата талантами* (НКРЯ: Парламентская газета, 2019.03).

Менее востребована для выражения территориальных характеристик модель «N_{nc} + N_f» (существительное, номинирующее нецентральную территорию в сочетании с топонимом в родительном падеже). Модель представлена преимущественно в контекстах с единицами *захолустье* и *периферия*, при этом обозначенная территория составляет часть более обширной территории: *захолустье Казани*; *периферия Московской области*, *Архангельской области*, *Москвы*, *Минска*.

Немногочисленны контексты, в которых зафиксировано указание на конкретную локацию (топоним), в таких примерах отмечены все единицы рассматриваемого синонимического ряда: *Его злобно ругали: «Зачем нам Кострома? Кто туда поедет в эту глушь? Что повезём оттуда?»* (НКРЯ: Vesti.ru, 2010.07); *А Тольятти? Этот город даже по российским меркам считается провинцией* (НКРЯ: Известия, 2002.10); *В глубинке, в маленьком городке под названием Данилов, что между Ярославлем и Вологодой, завершился пятидневный фестиваль моноспек-*

таклей... (НКРЯ: Известия, 2017.09); «Кто спрашивает, где мы живём? А, в Глушково, так это же **глухомань** – соответствовать должны. Хорошо, что есть такая программа губернаторская, теперь у нас будет свет» (НКРЯ: Vesti.ru, 2014.09); Он родился и прожил всю жизнь в забытом богом **захолустье**, в крохотном городишке Сенигаллия на берегу Адриатики (НКРЯ: Коммерсант, 2008.03); Адыгея пока не является центром великих научных открытий, однако и здесь, на **периферии**, ученые занимаются изысканиями мирового значения (НКРЯ: Советская Адыгея, 2015.11).

Таким образом, все лексемы синонимического ряда объективируют как российское, так и зарубежное пространство нецентральной территории, однако лексема *провинция*, обозначая зарубежное пространство, указывает на административно-территориальное деление. Единицы *захолустье* и *периферия* отмечены в контекстах, указывающих на часть более обширной территории.

Следующий конститутивный признак – «событийно-экзистенциальные характеристики» – актуализирует особенности существования, бытования субъекта на данной территории (пребывание, обитание), а также происходящие на этой территории события (событийность). В самом общем виде указание на пребывание (обитание) реализуется в модели «V + N_{nc (Loc)}» (глагол в сочетании с единичей, номинирующей нецентральную территорию в предложном падеже). Названную модель объективирует в фактическом материале преимущественно единица *глушь*, а также лексемы *глухомань*, *захолустье*: *обитать в глуши*, *родился и рос в глуши*, *находиться, жить в глуши*; *вырос в глухомани*; *родился и прожил в захолустье* и др. Пребывание может быть конкретизировано и представлено следующими дистинктивными признаками:

– «занятие / работа / творчество»: *собирать грибы*, *пасти овец*, *ездить на рыбалку*, *писать, сочинять песни* (*глушь*); *служить* (*глухомань*); *пить, валять дурака* (*захолустье*). Приведем отдельные примеры: *Так что лучше всего собирать грибы в глуши* (НКРЯ: Аргументы и факты, 2004.08); *Сам Кинг любит Мэн не только за идеальные*

декорации для триллеров: только в этой дремучей глуши он может спокойно писать, не боясь назойливых фанатов (НКРЯ: Коммерсант, 2020.06); *Своего во всем бескрайнем Водлозерье нет. Говорят, служить в такой глухомани – подвиг. Немногие способны, желающих не найти* (НКРЯ: Vesti.ru, 2004.08); *Основное занятие белозубых молодцов – пить, валять дурака, задирать мрачных копов, обнимать смазливых девчонок и летать по дорогам американского захолустья на своем «Додже» 1969 года* (НКРЯ: Коммерсант, 2005.10);

– «изоляция / уединение»: *отсидеться, скрыться, забраться, затеряться, отдыхать, искать забвения, уединяться* (*глушь*); *прятаться* (*захолустье*). Здесь наблюдается вариация модели «V_r + N_{nc (Loc)}», так как преобладают возвратные глаголы, в единичных случаях отмечены глагольно-именные сочетания с семантически значимым существительным, которые также могут быть трансформированы в конструкцию с возвратным глаголом (например, *искать забвения – забиться*): *Потом эта идеальная пара скрылась в глуши, в деревне и прожила там много лет* (НКРЯ: Коммерсант, 2005.09); *Потом память к нему вернулась, а следом за ней прибыло ФБР, резонно рассудившее, что, если американец, получив невинную в общем-то бумагу, инсценирует свою гибель и прячется в захолустье под чужим именем, стало быть, с этим американцем не все ладно* (НКРЯ: Ведомости, 2002.07);

– «бесцельность / бессмысленность»: *томиться, гробить жизнь, спиться* (*глушь*); *прозябать* (*глухомань*). Приведем примеры: *И то, что под новый год Берда уже не было в Ростове, вполне подтверждает эту легенду – «гробить жизнь в этой глуши за вторую половину что-то не хочется»* (НКРЯ: Известия, 2003.04); *На поверку столичная «суперстар» оказывается бледненькой актрисой-неудачницей, вечной ведущей корпоративных пьянок, а многообещающий заказ – розыгрышем ее бывшего мужа, еще менее удачливого актера Михаила (Анатолий Яценко), который благополучно спился в глуши* (НКРЯ: Коммерсант, 2008.08); *Рядовой гвардейского десантного полка, во времена оны бравшего Берлин,*

а теперь прозябающего в страшной глухомани, бок о бок с вонючим свинарником, превратился в девушку (НКРЯ: Известия, 2002.12).

В единичных случаях на особенности пребывания указывают другие единицы синонимического ряда: «*В глубинке* газеты читают более активно, чем в среднем по России, так как присутствие интернета в этих населенных пунктах далеко не 100 %», – согласна она (НКРЯ: Коммерсант, 2020.11); *Кто оживит российскую провинцию*. В провинциальных городах еще сохранился узкий слой людей, которые искренне и деятельно стремятся вдохнуть жизнь в местную среду, наполнить ее смыслом и затормозить отток населения (НКРЯ: Ведомости, 2020.08).

Событийность эксплицирована в контекстах с единицами *провинция*, *глубинка*, *периферия*; для других единиц (*глушь*, *глухомань*, *захолустье*) такого рода контексты не репрезентативны. Модели, в которых реализуется данный конститутивный признак, вариативны, однако главным компонентом выступает так называемая событийная номинация (отдельная единица либо сочетание): *открытие музея*, *строительство гольф-клуба*, *конкурс* и др. Установлены отдельные особенности: в рамках нецентральной территории, обозначаемой существительным *провинция*, событийность относится преимущественно к сфере культуры, досуга (гастроли столичных театров, выставки, фестивали, концерты, конкурсы, соревнования); существительное *периферия* обозначает не центр, в котором событийность связана прежде всего с социальной сферой (благоустройство, дороги и др.); *глубинка* – с культурной и социальной сферами (развитие детских школ искусств, открытие музея, открытие лечебницы и др.). Приведем примеры: *Неоднократно подчеркивая его особый статус – конкурса российской провинции* (НКРЯ: Vesti.ru, 2010.04); *Губернии выходят на авансцену. В российской провинции тоже идет строительство гольф-объектов* (НКРЯ: Коммерсант, 2007.06); *Открытие музея, единственного музея Дзержинского в России, – свидетельство того, что культурная жизнь есть не только в больших городах вроде Москвы и Санкт-*

Петербурга, но и в российской глубинке, где люди с уважением и трепетом относятся к истории своей малой родины (НКРЯ: Парламентская газета, 2017.09); *Причем можно понять инвесторов в глубинке, которые построили отели и хотят, не имея постоянного потока туристов, зарабатывать* (НКРЯ: Парламентская газета, 2017.07); *Мы стали делать благоустройство, грейдирование, подсыпку дорог именно на периферии* (НКРЯ: Байкальские Вести, 2013.03); *Прошедший год отмечен и таким важным событием, как начало строительства телефонных станций спутниковой связи на периферии*, что очень актуально для республики, в которой 100–150 отдаленных населенных пунктов, имеющих только радиосвязь с остальным миром (НКРЯ: «Олекма» (Олекминский район, Республика Саха (Якутия), 2006.04).

В отдельных случаях событийность выражается обобщенно посредством модели «(Adj + N)_{event}»: *литературная, культурная жизнь, театральный ландшафт* (русской провинции).

Конститутивным признаком, близким к признаку «событийно-экзистенциальные характеристики», можно считать признак «пространственно-дистантные характеристики». Он включает дистинктивные признаки «разнонаправленное перемещение» (из обозначаемого пространства / в обозначаемое пространство), «определенность / неопределенность расстояния». Анализ фактического материала показал следующее.

Модель, актуализирующая разнонаправленное перемещение, представлена вариациями «V_{mov} + N_{nc←}» (перемещение в) и «V_{mov} + N_{nc→}» (перемещение из).

Вариация «V_{mov} + N_{nc←}» отмечена в контекстах применительно к нецентральной территории, обозначаемой прежде всего единицами *глушь*, *глухомань*, в такого рода случаях речь может идти о добровольном (цель, желание) либо вынужденном (не по своей воле, обстоятельства и др.) перемещении: *Забраться в какую-нибудь глушь, куда Макар телят не гонял, и забыть обо всем на свете, на неделю* (НКРЯ: Vesti.ru, 2002.07); *Много раз соседи угрожали Меа Сон смертью – она продавала дом и уезжала в очередную глушь*

(НКРЯ: Аргументы и факты, 2004.07); *Поэтому люди, которые живут в святости, бегут от этой суеты куда-нибудь в глушь* (НКРЯ: Аргументы и факты, 2005.10); *Но очередное открытие, сделанное неутомимыми курганцами, заставило ученых медиков со всего мира зачастиť с визитами в эту российскую глухомань* (НКРЯ: Аргументы и факты, 2003.05); *В самом селе и рядом с ним жили так называемые спецпереселенцы – те, кто попал под раскулачивание и был выслан в уральскую глухомань* (НКРЯ: Аргументы и факты, 2008.05). В рамках образа глуши отмечена частотность прецедентного текста (с различными трансформациями) в деревню, в глушь, в Саратов.

Вариация « $V_{\text{mov}} + N_{\text{nc} \rightarrow}$ » (перемещение из, с), как правило, в большинстве случаев представлена в примерах с единицами *захолустье*, *периферия* (*вырваться из, выбраться из, покинуть* и др.): *А главная ее мечта – вырваться из этого провинциального захолустья и поехать учиться в Нью-Йорк...* (НКРЯ: Известия, 2018.03); *Приехали в Москву из своего захолустья на заработки* (НКРЯ: Аргументы и факты, 2005.01); *Это следствие других глобальных процессов: в крупные города переселяются жители периферии, но и приехавшие раньше не уезжают* (НКРЯ: Ведомости, 2020.01); *Сидели как-то пили с сотрудницами чай, и одна из них рассказала историю о девушке, которая приезжает с периферии в большой город, чтобы любой ценой пробиться в высшее общество* (НКРЯ: Комсомольская правда, 2011.04). Вариация « $V_{\text{mov}} + N_{\text{nc} \leftarrow}$ » реализуется в примерах, где речь идет прежде всего о вынужденном перемещении субъекта, реже – с целью уединения: *Северянин, любивший уединяться от славь в эстонском захолустье близ Нарвы, оказался там в день провозглашения независимости этой территории, никогда прежде государственно-стью не обремененной* (НКРЯ: Парламентская газета, 2014.05); *Из крупных городов, где за порядком следят активнее, попрошайек выдавливают на периферию* (НКРЯ: Парламентская газета, 2016.05).

Оба вида перемещения актуализированы в контекстах с лексемой *глубинка*: *По его словам, в малых городах необходимо раз-*

вивать и инфраструктуру, и рабочие места, «потому что не секрет, что сейчас из глубинки идет отток молодежи» (НКРЯ: Парламентская газета, 2021.06); *Сегодня НДФЛ не облагаются единовременные компенсации в один миллион рублей педагогам и врачам, уезжающим работать в глубинку* (НКРЯ: Парламентская газета, 2020.03).

Дистинктивный признак определенности расстояния от центра (удаленность) в контексте выражают количественные числительные, причем расстояние всегда указывается от какого-либо локализатора, выступающего в роли центрального ориентира (условного центра), в данном случае представлена модель « $Num + N_c(T)$ » (количественное числительное в сочетании с топонимом – номинацией условного центра). Такого рода примеры не являются репрезентативными и отмечены преимущественно с единицей *глушь*: *В конце декабря 1898 года его выслали в самую глушь – село Кайгородское, 400 верст севернее Нолинска...* (НКРЯ: Независимая газета, 2007.10).

В большей степени в фактическом материале находит отражение неопределенность расстояния (от условного центра), маркером неопределенности выступают местоимения *такая, какая* (*глушь, глухомань*) и местоименные наречия *где-то, куда-то* (*глубинка*), выполняющие функцию усиления значения удаленности, нецентральности: *Ферма была в такой глуши, что проще было проявить смекалку и сделать что-то самому, чем нанимать специалистов или ехать за оборудованием* (НКРЯ: Ведомости, 2019.02); *Тебя все разыскать не мог. В какую ты глушь забрался! Мы еще выпили на радостях* (НКРЯ: Аргументы и факты, 2000.03); *Местные Хароны берут недорого – кто ж поедет в такую глухомань* (НКРЯ: Известия, 2002.04); *И куда-то в глубинку зимой никто не поедет* (НКРЯ: Известия, 2016.10). Для других рассматриваемых единиц данный признак не является репрезентативным.

Следующий конститутивный признак «характеристика субъекта» тесно связан с событийно-экзистенциальными характеристиками. Так, субъект может быть номинирован с точки зрения рода деятельности, занятий, возраста, местожительства, убеждений, соци-

альных параметров, политических процессов, в качестве субъекта может выступать конкретная личность, номинируемая именем собственным. Наибольшее количество примеров, в которых объективируется субъект нецентральной территории, содержит лексему *глубинка*. Отметим, что характеристика субъекта по роду деятельности, занятий и возрасту представлена в контекстах со всеми единицами синонимического ряда: *хореограф, фермер, художник, шофер, целительница, бабушка* (глушь); *пожарник, хирург, паренек, самородок* (глухомань); *фермер, парикмахер, молодцы* (захолустье); *судьи, дирижер, хоккеист, девушки* (периферия); *ученые, кулибины, дети* (провинция); *учителя, тренер, охотники, туристы, дети* (глубинка).

Характеристика субъекта по его убеждениям отмечена преимущественно в примерах с единицами *глухомань, глубинка* (*староверы, мистики*); социальные параметры зафиксированы в контекстах с лексемами *провинция, глубинка* (*пенсионеры, предпенсионеры, золушки, обычные люди, простой мужик* и др.); в примерах с единицей *глухомань* представлена номинация субъекта по месту жительства (*курганцы, самарец*), а также с точки зрения политических параметров (*спецпереселенцы*). Кроме того, зафиксированы контексты с субъектом-антропонимом – преимущественно в контекстах с лексемой *глушь*: *переводчик Петер Урбан, художник Николай Полисский, Челентано, Альберт Филюзов* и др.

Конститутивный признак «характеристики объекта-атрибута» включает дистинктивные признаки, указывающие на принадлежность к определенной сфере. Наибольшую экспликацию данный признак получил в рамках образа глубинки: в качестве объектов-атрибутов, которые номинируются именными сочетаниями либо отдельными существительными, отмечены *аптеки, банно-прачечные услуги, дома престарелых, автолавки, дома-памятники, колония, метеостанция, погранзастава, садово-огородное товарищество, художественные промыслы, музей, ЧОП, сельпо, лечебница* и др., то есть прежде всего объекты-атрибуты социального характера.

В целом наблюдается следующая закономерность. В единичных примерах указанный признак представлен в контекстах с еди-

ницами *глушь, глухомань* (*брошенная земля, покосившийся туалет, старый деревянный барак*), выражая прежде всего малолюдность, запустение. При обозначении нецентральной территории единицей *захолустье* объекты-атрибуты в контексте указывают на запущенность, заброшенность, однообразность (*одна бензоколонка, бараки, черные избы, ухабы, дореволюционное здание, серые будни*). В контекстах с лексемой *провинция* выражены характеристики объекта-атрибута, связанные преимущественно со сферой культуры (*региональные журналы, джаз, театры, клубный бизнес, музеи, мощная культурная жизнь*), в отдельных случаях – со сферой бизнеса (*букмекерская сеть, аукционные дома*); лексема *периферия* зафиксирована в контекстах с объектами-атрибутами культурной сферы, народного творчества (*музеи, театры, мусорные галереи*): *В селе Ополье Владимирской области меня учили делать мухоморы из старых тазиков. «Краску берешь половую, красную. Таз переворачиваешь и все замазываешь жирно, потом белой краской делаешь блямбы. И – на пенек». Таких грибочков по всей России – легион... Для меня, человека командировочного, это вообще характерный признак российской провинции. Эдакий сюр-а-ля рюс* (НКРЯ: Коммерсант, 2013.07).

Следующий выделенный нами конститутивный признак – «каллитативные характеристики обозначаемой территории» – отражает указание на какие-либо особенности. Как правило, данный признак выражен адъективами, реже наречиями (в единичных случаях – абстрактными существительными), содержащими оценку, соответственно выделены дистинктивные признаки положительной, негативной и амбивалентной каллитативности: *глушь – прекрасная, похожая на праздничный пряник, романтическая, живописная, непролазная, редкостная, запредельная, комариная, бездорожная*; *глухомань – непролазная, невероятная, труднодоступная*; *захолустье – унылое, тупое, обывательское, глухое, малонаселенное, глубокое, безнадежно дотационное, полное, нелепо, неторопливо*; *провинция – глухая, многострадальная, вызывающая очарование, добрая, теплая*; *глубинка – самобытная, колоритная, богата*

талантами, неторопливая, чистая, родная, экономически безнадежная.

Таким образом, в качественном аспекте существительные *провинция*, *глубинка* выражают преимущественно положительную оценку, обозначая территории, вызывающие положительные чувства и эмоции, в том числе сочувствие, а также имеющие большой потенциал; *глухомань*, *захолустье* выражают преимущественно отрицательную оценку, обозначая территории с плохой, неразвитой инфраструктурой и однообразной монотонной жизнью; существительное *глушь* отличается амбивалентностью: с одной стороны, оно характеризует территорию положительно (в какой-то степени гиперболизированно), с другой – отрицательно, аналогично *глухомани*. Для единицы *периферия* указанный признак не является репрезентативным.

Конститутивный признак «социальная эксклюзия» в самом общем виде указывает на некие исключения из должного положения дел применительно к нецентральной территории. Данный признак представлен дистинктивами «труднодоступность» (*глушь*, *глухомань*, *захолустье*), «отсутствие инфраструктуры» (*глушь*, *глухомань*, *захолустье*, *глубинка*), «заброшенность» (*захолустье*), «отсутствие возможностей» (*глушь*, *периферия*), «социально-экономические проблемы (провинция, *глубинка*). Единицы *глушь*, *глухомань*, *захолустье* в большей степени демонстрируют удаленность от центра; *периферия*, *провинция*, *глубинка* – ограниченные возможности, по сравнению с центром: *Мобильный в такой глуши не работает, и случись что – врача не вызовешь* (НКРЯ: Аргументы и факты, 2001.06); *А тут – деревня Рыжевка, костромская глухомань, куда и проехать-то невозможно: дороги нет* (НКРЯ: Аргументы и факты, 2004.11); *В свою очередь, член комитета Госдумы по транспорту Александр Васильев выступил против отмены самостоятельной подготовки: «А если гражданин живет где-нибудь в захолустье, вдалеке от автошкол – как ему готовиться?»* (НКРЯ: Коммерсант, 2012.04); *Несмотря на большую популярность сельской ипотеки, пока её могут позволить себе далеко не все россияне, живущие на периферии* (НКРЯ: Парламентская газета, 2021.02); *Но какими*

бы они ни были, трагедия высветила проблемы отечественной психиатрии, здравоохранения в целом и разруху в российской провинции (НКРЯ: Ведомости, 2013.04); *Если потенциальный абитуриент, талантливый молодой человек живет в глубинке, у него нет интернета, но он хочет учиться, что ему делать?* (НКРЯ: Vesti.ru, 2020.05). Отметим, что для выражения обозначенного признака востребованной является отрицательная конструкция в различных ее вариациях.

В фактическом материале исследования отмечены контексты, в которых объективируется собственно оппозиция «центр – не центр». Конститутивный признак противопоставленности / сопоставленности (по отношению к центру) могут выражать в контексте различные пары оппозиций. Так, оппозициями лексем рассматриваемого синонимического ряда (за исключением лексемы *глухомань*) выступают прежде всего единицы *центр* и *столица* (*столицы*) либо астионимы *Москва*, *Санкт-Петербург* (*Питер*), при этом в качестве частотных отмечены оппозиции «центр – периферия», «Москва – провинция / глубинка».

Оппозит *центр* может конкретизироваться за счет квалификации величины (*крупный*), а также административно-территориальных характеристик (*федеральный*, *областной*, *региональный*, *районный* и др.), социокультурных характеристик (*культурный*, *исторический*).

Среди других оппозиций выделяются единицы, номинирующие крупные административно-территориальные объекты: *город* (противопоставляется всем ключевым единицам), *мегаполис* (противопоставляется лексемам *глушь*, *периферия*, *провинция*), *метрополия* (единице *периферия*); при этом лексема-оппозит *город* является частотным противопоставлением преимущественно лексемам *захолустье*, *периферия*, *глубинка*, сочетаясь, как правило, с квалификатором *крупный* (в единичных случаях с приложением – *город-миллионник*). Вместо обобщенной единицы *город* в контексте могут быть представлены определенные астионимы (*Иркутск*, *Оренбург*, *Саранск*, *Нью-Йорк*); оппозиция может также выстраиваться посредством сопоставления субъектов: *богатые*

брокеры с Уолт-стрит – фермеры из сельской глуши; москвичи – бабушка, таловская целительница из глуши / жители захолустья; обитатели мегаполисов – сельчане в глуши.

Описываемый конститутивный признак может быть реализован в градуальных оппозициях, что характерно в большинстве случаев для единицы *периферия*, а также единицы *захолустье*. В такого рода контекстах речь идет о внутригородском пространстве, обобщенно противопоставление можно представить как «центр (города) – периферия (города) / захолустье (окраина)». В фактическом материале в качестве репрезентантов города отмечены различные астионимы (*Москва, Рязань, Челябинск, Воронеж, Новосибирск* и др.), репрезентантов внутригородского пространства – урбанонимы (*Сретенский бульвар – захолустье на окраине города*).

В фактическом материале исследования представлено также противопоставление / сопоставление образа жизни либо условий (преимущественно контексты с лексемой *глушь*, в меньшей степени – с лексемами *захолустье, провинция, глубинка*). Оппозитами лексем, называющих не центр, выступают следующие единицы и сочетания: *суэта* (как большое количество движений, действий и т. п.), *шум, рестораны, красивая жизнь, каменные джунгли, блеск и мишура, пятизвездочный отель, ночные клубы, удобные офисы* и др.).

Конститутивный признак «противопоставленность / сопоставленность (по отношению к центру)» представлен в контексте различными моделями, в основе которых лежат конструкции с союзами *а, и... и, или*; предложениями, выражающими противоположные направления: *из – в (на); с – на*. Приведем отдельные примеры: *Из столицы в деревенскую глушь вынуждена была перебраться москвичка, вдова ветерана войны* (НКРЯ: Vesti.ru, 2015.10); *Смертельная инфекция стремительно шагает по стране. Коронавирус не выбирает, столица или глубинка. Вот Мурманская область* (НКРЯ: Vesti.ru, 2020.05); *Залы кажутся совершенно безликими, будто бы находятся не на Сретенском бульваре, а в каком-то захолустье на окраине города* (НКРЯ: Коммерсант, 2007.11).

В рамках репрезентации рассматриваемой оппозиции применительно к единице *провинция* отмечена следующая особенность. Провинция может выступать не только в качестве обозначения места, территории (как в большинстве примеров с другими единицами синонимического ряда), но и в качестве субъекта (не центра), который сопоставляется с другим субъектом – центром, тем самым подчеркивается своего рода самостоятельность, самодостаточность провинции: *Российская провинция всегда отличалась от центра не только уровнем жизни, но и уровнем культурного обслуживания* (НКРЯ: Известия, 2001.08); *Российская провинция всегда ковала кадры для столицы...* (НКРЯ: Известия, 2019.09); *Мегаполисы, будь то Санкт-Петербург, Москва, Казань, относятся скорее к глобальному миру, а провинция хранит российскую культуру* (НКРЯ: Ведомости, 2012.08).

В результате анализа фактического материала были выявлены отдельные факты стереотипизации рассматриваемых медиаобразов, которые могут сопровождаться также идеализацией, в большей степени такие контексты отмечены в рамках образов глуши, глухомани, провинции. Глушь описывается, например, через стереотипы экологически чистой территории с первозданной природой, уютными фермами; глухомань – через стереотипы заснеженности, домиков с наличниками, церковей, особых людей, скуки и пьянства в военных гарнизонах; провинция – через народные семейные традиции: *Если вы живете в настоящей глуши, среди нетронутой природы, и до ближайшей автодороги вам ехать два дня на собаках – пейте на здоровье, не отравитесь* (НКРЯ: Аргументы и факты, 2003.11); *И рисуют такую картину: ферма в глуши, тепло и уют* (НКРЯ: Ведомости, 2012.12); *Сюжет строится на том, что безымянная ОНА – стержневая столичная штучка (на деле недавняя провинциалка) – едет с тайной, но явно мафиозной миссией в русскую заснеженную глухомань, переполненную наличниками, амфирами и церквями* (НКРЯ: Известия, 2001.11); *Все разговоры о том, что в гарнизонах господствует скука, что там пьянки непрерывные и склоки... ну, это имело место, наверное, где-нибудь в глухомани, но*

Чкаловский – военный аэродром, оттуда Горбачева в 1991 году забирали и туда привезли, там такие самолеты стоят... (НКРЯ: Коммерсант, 2001.10); *Глухомань* произвела на Сурикову сильное впечатление: «Здесь живут поразительные люди» (НКРЯ: Аргументы и факты, 2000.01); *Вот русская провинция берет на себя роль консерватора всего самого лучшего: «семейное чтение вслух, лоскутные одеяла, фикусы в кадках, вышивки гладью, фотографии в рамках и застольное пение хором»* (НКРЯ: Коммерсант, 2001.12). Заметим, что в такого рода примерах речь, как правило, идет о сюжете фильма либо книги.

Таким образом, нами были установлены дискурсивные признаки, формирующие медиаобраз-гипероним нецентральной территории. В качестве ведущих языковых средств репрезентации в текстах СМИ названного медиаобраза отмечены: номинации нецентральной территории в сочетании с уточняющими оттопонимическими прилагательными или топонимами; глаголы разнонаправленного перемещения и глаголы, обозначающие пребывание субъекта на данной территории (указывающие на занятия, деятельность, творчество, бесцельность); событийные номинации; местоимения и наречия, подчеркивающие неопределенную удаленность расстояния от условного центра; номинации субъекта по различным социальным, профессиональным параметрам; именные сочетания, выражающие объекты, атрибуты; аксиологические конструкции; конструкции со значением сопоставления и противопоставления.

Заключение

Предпринятый анализ объективации в фактическом материале медиаобразов-гипонимов «глушь», «глухомань», «захолустье», «периферия», «провинция», «глубинка» позволил установить характерные черты медиаобраза-гиперонима нецентральной территории:

1. Представляет собой территорию, обозначающую российское пространство прежде всего за Уралом (*глушь, глухомань, глубинка*), Поволжье (*провинция*), в отдельных случаях Центральной России, юга, севера и северо-запада России; в рамках единой терри-

тории – часть, противопоставленную центру (*захолустье, периферия*); зарубежное пространство (преимущественно американское); обобщенно территорию, находящуюся за пределами центра (*периферия*).

2. На данной территории позиционируется пребывание субъекта и событийность. Пребывание субъекта может включать различные виды деятельности, творчества (*глушь, глухомань*); представлять собой изоляцию, уединение, возможность спрятаться (*глушь, захолустье*); бесцельность (*глушь, глухомань*). Событийность относится к социальной сфере (*периферия, глубинка*) и к сфере культуры, досуга (*глубинка, провинция*).

3. На этой территории происходят процессы разнонаправленного перемещения (добровольного или вынужденного): с этой территории в центр (*захолустье, периферия, глубинка*) и, напротив, из центра на эту территорию (*глушь, глухомань, глубинка*). Значение удаленности от центра может быть в единичных случаях выражено как определенное расстояние (*глушь*) либо в большинстве случаев как неопределенное расстояние (*глушь, глухомань, глубинка*).

4. Субъект, находящийся на данной территории, позиционируется с точки зрения профессиональной деятельности, рода занятий, возраста (*глушь, глухомань, захолустье, периферия, провинция, глубинка*), убеждений (*глухомань, глубинка*), социальных параметров (*провинция, глубинка*).

5. Для этой территории характерны определенные объекты, атрибуты социального (*глубинка*) и культурного характера (*периферия, провинция*), указывающие на малолюдность (*глушь, глухомань*), запущенность (*захолустье*).

6. Может квалифицироваться положительно (*провинция, глубинка*), негативно (*глухомань, захолустье*), амбивалентно (*глушь*).

7. На этой территории отмечены процессы социальной эксклюзии: труднодоступность (*глушь, глухомань, захолустье*), отсутствие необходимой инфраструктуры (*глушь, глухомань, захолустье, глубинка*), отсутствие возможностей (*глушь, периферия*), социально-экономические проблемы (*провинция, глубинка*).

8. Противопоставляется центру, столице, городу (крупному), мегаполису (все медиаоб-

разы-гипонимы), городскому образу жизни (*глушь, захолустье, провинция, глубинка*).

Таким образом, мы можем говорить о специфике формирования в медиапространстве российских СМИ особого образа нецентральной территории (в основе его появления лежит оппозиция «центр – не центр»), который, с одной стороны, основывается на реальных фактах и событиях, с другой стороны, показывает прежде всего не собственно существование данного феномена в действительности, а то, как он отражается в сознании человека, причем в процессе этого отражения образ может быть подвержен стереотипизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бельчиков Ю. А., 1965. О развитии русской лексики в советскую эпоху // Русский язык в школе. № 6. С. 3–9.
- Васильева С. Л., Мырина Д. Ф., 2016. Особенности репрезентации образа города в сознании представителей русской и китайской лингвокультур // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 7 (172). С. 59–64.
- Галинская Т. Н., 2013. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. № 11 (160). С. 91–94.
- Горелова Ю. Р., 2019. Образ города в восприятии горожан. М. : Ин-т Наследия. 154 с.
- Горелова Ю. Р., Межевикин И. В., 2016. Образ крупного города в восприятии его жителей // Гуманитарные исследования. № 4 (13). С. 15–18.
- Громова Т. Н., 2016. Структура медиаобраза России: внешнеполитический аспект // Знак: проблемное поле медиаобразования. № 4 (21). С. 62–67.
- Драчева Ю. Н., 2019. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах // Вестник Череповецкого государственного университета. № 2 (89). С. 134–146. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-2-89-13
- Корженева О. В., 2013. Медиаобразы в массовой политической коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. № 1. С. 218–226.
- Ланцевская Н. Ю., 2015. Медиаобраз территории как комплекс стереотипов брендинга места // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. № 4 (28). С. 101–103.
- Линч К., 1982. Образ города. М. : Стройиздат. 328 с.
- Орлова Е. Л., 2012. Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск. 17 с.
- Паршина О. Д., Иванян Е. П., 2020. Аксиология феномена провинции в российских средствах массовой информации начала XXI века // Научный диалог. № 8. С. 123–140. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-123-140
- Сидорская И. В., 2021. Об употреблении терминов «образ» и «имидж» в русскоязычных исследованиях проблемы медиарепрезентации территорий // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. № 3. С. 173–197. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.173197
- Симакова С. И., Кваша Д. И., 2023. Медиаобраз как одна из составляющих формирования медиаэстетического кода региона // Известия Уральского федерального университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. Т. 29, № 1. С. 28–38. DOI: 10.15826/izv1.2023.29.1.003
- Шамне Н. Л., Милованова М. В., 2023. Особенности объективации категорий социальной эксклюзии – социальной инклюзии в русском языке (на примере понятий «глубинка» и «глушь») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 4. С. 62–75. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.5>
- Endreva M., 2022. Medienbilder des Balkans im deutschsprachigen Kulturraum // Donauperlen Beiträge zur deutschen Sprache und Kultur in Bessarabien, Dobrudscha und Schwarzmeerraum. Regensburg : Südosteuropagesellschaft. S. 66–78. DOI: 10.5283/epub.51250

ИСТОЧНИК

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru

СЛОВАРИ

- Александрова – Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : практ. справ. М. : Мир и образование, 2023. 816 с.
- Гаврилова – Словарь синонимов и антонимов современного русского языка / под ред. А. С. Гавриловой. М. : Аделант, 2013. 800 с.
- Евгеньева – Словарь синонимов русского языка. В 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Астрель : АСТ, 2003. 2 т.
- Котелова – Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / под ред. Н. З. Котеловой. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. 876 с.

REFERENCES

- Belchikov Yu.A., 1965. O razvitii russkoy leksiki v sovetskuyu epokhu [On the Development of Russian Vocabulary in the Soviet Era]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 6, pp. 3-9.
- Vasileva S.L., Myrmina D.F., 2016. Osobennosti reprezentatsii obraza goroda v soznanii predstaviteley russkoy i kitayskoy lingvokultur [Representation of Town by Russian and Chinese Speakers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 7 (172), pp. 59-64.
- Galinskaya T.N., 2013. Ponyatie mediaobraza i problema ego rekonstruktsii v sovremennoy lingvistike [Media Image and the Problem of Its Reconstruction in Modern Linguistics]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], no. 11 (160), pp. 91-94.
- Gorelova Yu.R., 2019. *Obraz goroda v vospriyatii gorozhan* [Image of Large Cities in Their Residents' Perception]. Moscow, In-t Naslediya. 154p.
- Gorelova Yu.R., Mezhevikin I.V., 2016. Obraz krupnogo goroda v vospriyatii ego zhiteley [Image of a Large City as Perceived by Its Residents]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Researches], no. 4 (13), pp. 15-18.
- Gromova T.N., 2016. Struktura mediaobraza Rossii: vneshnepoliticheskii aspekt [Structure of Russian Media Image: International Aspect]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: Problematic Field of Media Education], no. 4 (21), pp. 62-67.
- Dracheva Yu.N., 2019. Ponyatie mediaobraza i ego opisanie v yazykovedcheskom i neyazykovedcheskom aspektakh [Notion of Media Image and Its Study in Linguistic and Non-Linguistic Aspects]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], no. 2 (89), pp. 134-146. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-2-89-13
- Korzheneva O.V., 2013. Mediaobrazy v massovoy politicheskoy kommunikatsii [Mediascapes in Mass Political Communication]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], no. 1, pp. 218-226.
- Lancevskaya N.Yu., 2015. Mediaobraz territorii kak kompleks stereotipov brendinga mesta [Territory's Media Image as a Set of Stereotypes Branding Space]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Journal of Shadrinsk State Pedagogical University], no. 4 (28), pp. 101-103.
- Linch K., 1982. *Obraz goroda* [The Image of the City]. Moscow, Stroyizdat Publ. 328 p.
- Orlova E.L., 2012. *Metaforicheskie obrazy Rossii, Ameriki i Germanii v politicheskom diskurse nemeckikh SMI: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Metaphorical Images of Russia, America and Germany in the Political Discourse of German Media. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Irkutsk. 17 p.
- Parshina O.D., Ivanyan E.P., 2020. Aksiologiya fenomena provincii v rossiyskikh sredstvakh massovoy informatsii nachala XXI veka [Axiology of the Province Phenomenon in Russian Mass Media of the Beginning of the 21st Century]. *Nauchnyy dialog*, no. 8, pp. 123-140. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-123-140
- Sidorskaya I.V., 2021. Ob upotreblenii terminov «obraz» i «imidzh» v russkoyazychnykh issledovaniyakh problemy mediarepresentatsii territorii [On Using the Term “Image” in Russian-Language Studies into the Problem of Media Representation of Territories]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 3, pp. 173-197. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.173197
- Simakova S.I., Kvasha D.I., 2023. Mediaobraz kak odna iz sostavlyayushchikh formirovaniya mediaesteticheskogo koda regiona [Media Image as One of the Components for Formation of Media Aesthetic Code of the Region]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kultury* [Izvestia Ural Federal University. Series 1, Issues in Education, Science and Culture], vol. 29, no. 1, pp. 28-38. DOI: 10.15826/izv1.2023.29.1.003
- Shamne N.L., Milovanova M.V., 2023. Osobennosti obektivatsii kategoriy socialnoy eksklyuzii – socialnoy inklyuzii v russkom yazyke (na primere ponyatiy «glubinka» i «glush») [Objectification Features of Social Exclusion and Social Inclusion Categories in the Russian Language (Exemplified by “Glubinka” and “Glush” Concepts)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 4, pp. 62-75. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.5>
- Endreva M., 2022. Medienbilder des Balkans im deutschsprachigen Kulturraum [Media Images of the Balkans in the German-Speaking Cultural Area]. *Donauperlen Beiträge zur deutschen Sprache und Kultur in Bessarabien, Dobrudscha und Schwarzmeerraum*. Regensburg, Südosteuropagesellschaft, S. 66-78. DOI: 10.5283/epub.51250

SOURCE

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: www.ruscorpora.ru

DICTIONARIES

Aleksandrova Z.E. *Slovar sinonimov russkogo yazyka: prakt. sprav.* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language. Practical Reference]. Moscow, Mir i obrazovanie Publ., 2023. 816 p.

Gavrilova A.S., ed. *Slovar sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Synonyms and Antonyms of the Modern Russian Language]. Moscow, Adelant Publ., 2013. 800 p.

Evgenyeva A.P., ed. *Slovar sinonimov russkogo yazyka. V 2 t.* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language. In 2 Vols.] Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2003.

Kotelova N.Z., ed. *Slovar novykh slov russkogo yazyka (seredina 50-kh – seredina 80-kh godov)* [Dictionary of New Words of the Russian Language (Mid-50s to Mid-80s)]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin, 1995. 876 p.

Information About the Authors

Nikolay L. Shamne, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Volgograd, Russia, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Marina V. Milovanova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Информация об авторах

Николай Леонидович Шамне, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Марина Васильевна Милованова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>